

souvenir (*англ.*) — сувенир (*сущ.*) — память; предмет, данный кем-либо, сохраненный и т. д., чтобы вспомнить прошлое.

se souvenir (*фр.*) — (возвратная форма глагола) вспоминать о чем-либо.

Тот день из золотой был скроен ткани:
Стелился шелком океан безбрежный,
И легкий бриз травы касался нежно,
И сто других штрихов, сто ярких граней.

Вдвоем по кромке, босиком в прибое...
Вдруг чистым блеском в круговерти пенной —
Спираль ракушки — как спираль Вселенной,
Вобравшая тот день и нас с тобою.

Теперь она в моем пальто, в кармане,
Хранит тепло моих воспоминаний.

Элла Делримпл

2014, ЭДИНБУРГ

«Добро пожаловать в дом престарелых» — слова на вывеске не отменяли того факта, что я стою под проливным дождем, сбоку от стеклянной двери, слегка сторбившись в попытке максимально приблизить ухо к домофону в надежде, что кто-нибудь услышит и отреагирует. Плотнее прижимаюсь к стене, чтобы оказаться под узким навесом, с края которого мне за шиворот затекает еще больше воды. Ветер срывает пожелтевшие листья с платанов, окружающих серое кирпичное здание, вихрем несет их к окнам, где они прилипают на мгновение к мокрому стеклу, а потом смываются струями дождя на дорожки из мелкого гравия. Нетерпеливо смотрю на часы, мыслями я дома: *«Справится ли Дэн? Вспомнит ли он о лекарствах Финна?»* И снова даваю на кнопку звонка, на этот раз дольше и настойчивее.

— Извините, что заставила ждать, — улыбается девушка-администратор и протягивает мне книгу посещений с просьбой ее заполнить. Пока я сбрасываю промокшее пальто, чтобы капли не стекали на отполированный до зеркального блеска стол, она спрашивает: — Вы уже бывали у нас раньше?

Качаю головой, записываю свое имя и дату. В графу «Кого посещаете» вношу имя своей бабушки — миссис Э. Делримп.

Девушка забирает книгу, пробегает глазами запись:

— Так вы приехали навестить Эллу? Это очень мило. Она хорошо устроена, и сын к ней регулярно приезжает, но ей было бы полезно, если бы ее навещали почаще.

Чувство собственной вины вызывает во мне раздражение. Хочется сказать девушке, что я никак не могла приехать раньше, что я работаю полный день учителем, что у моего сына проблемы, что не так просто найти время... Но вместо этого я натягиваю на лицо вежливую улыбку, одновременно пытаюсь привести в божеский вид свои волосы, которые от теплого воздуха в помещении уже начали завиваться в дикие кудри.

Этот визит был вызван звонком дяди Робби:

— Она будет рада видеть тебя, Кендра, если, конечно, ты сможешь отыскать хоть немного свободного времени. Элла хочет попросить тебя кое о чем. Но я должен предупредить, что она крайне слаба и очень изменилась с тех пор, как ты видела ее в последний раз. Ее разум блуждает как будто еще больше.

Говорил дядя Робби мягко, однако в его тоне ощущалась настойчивость, которая усилила мое чувство вины из-за того, что я не навещала старушку раньше. Вообще, в нашей семье есть некоторые сложности. Моя мама никогда не была близка с бабушкой Эллоу. Следствием этой никогда не упоминавшейся в семье ссоры между матерью и дочерью было отсутствие общения, пока я росла. Эти их отношения, в числе прочих причин, тоже осложняли мне посещение дома престарелых, и я сомнева-

лась, что расскажу маме о своем сегодняшнем визите, который может показаться ей своего рода предательством, даже не знаю почему.

Сообщи я ей о своем намерении приехать сюда — даже мимоходом, слегка небрежно, как о чем-то не слишком важном, реакция на другом конце провода была бы вполне предсказуемой: фырканье и резкая смена темы разговора.

— Второй этаж. Идите прямо до конца. Ее дверь последняя слева, — направляет меня администратор, профессионально улыбаясь.

Здесь стоит густой, угнетающий запах вареной капусты, который просачивается из-под дверей столовой и, смешиваясь с ароматами освежителя воздуха и дезинфицирующего средства, создает адское амбре. Я бесшумно иду по толстому синему ковру. Опасаясь приступа клаустрофобии в лифте, поднимаюсь по лестнице; внезапно понимаю, какое же счастье, что у меня все в порядке с ногами и, значит, есть возможность выбора. Поднявшись на второй этаж, чувствую, что вспотела, а кожу головы покалывает от жара собственного тела. Оттягиваю высокий воротник шерстяного джемпера, надеюсь немного остыть, успокаиваю дыхание. Как моя бабушка приспособилась к жизни в душливой атмосфере этого заведения, неважно, насколько оно теплое и чистое? Добр ли к ней персонал? Хорошо ли о ней заботятся? Скучает ли она по независимости, которую когда-то давал ей большой, солидный дом в Морнингсайде, дом — полная чаша, с высокими потолками и комнатами, заполненными самыми разными вещами? Или это все больше не имеет для нее никакого значения? Забыла ли она о доме, как забывает теперь очень многое? Ее разум, ка-

жется, избавляется от воспоминаний так же, как она когда-то избавилась от кучи вещей, оставив себе только самое необходимое. Оскудело не только ее жилище, но и сама жизнь, все ее существование, ущербные дни, подходящие к концу.

На последней двери слева красуется число «12», нанесенное с помощью трафарета, а ниже, в маленькой металлической рамке — «Элла Делримпл», ее имя, написанное молодой рукой, аккуратным округлым почерком, непохожим на бабушкин курсив, витиеватый и будто бы слегка подрагивающий на открытках, которые она рассылала на Рождество.

Из комнаты напротив доносится звук телевизора, включенного на полную мощность. Я стою перед дверью бабушки Эллы, прислушиваюсь: там тишина. Негромко стучу. Может быть, она спит?

Я могу оставить записку и незаметно улизнуть, не беспокоив ее, вернуться домой вовремя, чтобы позаботиться о Финне, поужинать и продолжить проверку принесенных домой эссе на тему: «Кто виноват в трагедии Макбет?» Я подозреваю, что некоторые из этих эссе вполне могут оказаться трагедиями сами по себе.

Желание развернуться и уйти очень сильно. Теперь я смогу, честно глядя в глаза кому угодно, сказать, что пыталась навестить ее, и моя совесть будет чиста. Однако и от идеи поскорее вернуться назад я особого удовольствия не испытываю. Кажется, за последнее время стало уже совершенно привычным то, что возвращение домой не радует. Я знаю, что, войдя в двери своего дома, буду бояться встретиться глазами с потухшим, виноватым взглядом Дэна, который прекрасно понимает, как я устала после очередного рабочего дня. Мы оба будем стара-

тельно изображать, что все в порядке. Он напустит на себя бравый вид, жизнерадостно сообщит об отправленном сегодня резюме и связанными с этими радужными перспективами. Я буду сохранять веселый и беззаботный вид в течение всего вечера, выдавливать улыбки и рассказывать забавные истории о своих учениках. Но мы оба будем знать, несмотря на попытки защитить друг друга, что очень обеспокоены нашим финансовым положением и еще больше — нашим будущим. Что уготовано нашему особенному сыну? Финн с рождения был сложным ребенком, болезненная вялость чередовалась у него с бурными, ужасающими приступами ярости. Врачи списывали все это то на колики, то на режущиеся зубки, то на какой-то непонятный вирус. И только когда ему исполнилось два года и стало понятно, что он отстаёт в развитии, нас направили к специалистам, которые в конце концов поставили диагноз — аутизм. С тех пор каждый наш день — это изнурительная борьба, независимо от того, пытаемся ли мы помочь Финну справиться с приступами гнева и ужаса или обиваем инстанции ради получения надлежащей помощи нашему ребенку.

В течение дня мы с Дэном светимся позитивом, но когда ложимся спать, между нами словно образуется непреодолимая бездна. Меня не покидает чувство, что каждый из нас тонет в море собственных забот и не способен протянуть руку и вытащить другого на безопасную отмель. Мы дрейфуем все дальше и дальше друг от друга, не в силах больше бороться с подводными течениями, тянущими нас вниз.

Из комнаты напротив выходит медсестра, держа что-то, накрытое полотенцем, и беззаботно улыбается мне. Я поворачиваюсь к двери Эллы и стучу еще раз, немно-

го громче. Голос моей бабушки, слегка надтреснутый и утомленный, звучащий, как семидесятивосьмилетние грампластинки из ее юности, приглашает меня войти.

— Бабушка, это я, Кендра. Заглянула проведать тебя. — Мой голос звучит фальшиво из-за слишком явно ощущаемой вины.

Не представляю, узнает ли она меня. Я навещала бабушку всего один раз, и тогда она назвала меня Роной. Ее морщинистое лицо просияло улыбкой радости и облегчения от мысли, что дочь наконец-то вернулась, чтобы увидеться с ней.

— Я не Рона, я Кендра — дочь Роны, помнишь? А мама навестит тебя обязательно, я уверена, — сказала я тогда и подумала: — *«Ей давно пора бы это сделать, пока еще не слишком поздно».*

Мама много лет не возвращалась в Эдинбург, отказывалась видеться с Эллоу, даже когда узнала о ее переезде в дом престарелых, предоставив заботу о ней дяде Робби так же, как и хлопоты по уборке и продаже бабушкиного дома.

Но сегодня хороший день и все по-другому.

— Кендра, дорогая, как замечательно! — говорит бабушка, глаза которой блестят, а взгляд абсолютно осмысленный. — Входи, придвинь этот стул. Ты совершенно промокла! Повесь пальто на радиатор, чтобы оно немного просохло. Похоже, там отвратительная погода!

Обняв ее, внезапно понимаю, какая она хрупкая. Ее теплая щека прижимается к моей, и я ощущаю, насколько тонка ее кожа.

Бесшумно придвигаю стул, осматриваюсь. Дядя Робби и его жена Женни постарались сделать все, чтобы небольшая комната с тусклыми стенами цвета магнолии

и мягким бежевым ковром стала более комфортной и уютной.

Они перевезли картины Эллы, среди которых была моя любимая — с пляжем и парусной яхтой, и развесили их так, чтобы бабушка могла смотреть на них, лежа на кровати. На полу — пара половичков, не потускневших, хотя местами и побитых временем. Книги и украшения аккуратно разложены на полках, сделанных дядей собственноручно и повешенных вдоль стен и под окном, в которое сквозь кроны деревьев видно, как вдалеке словно плывет по штормовому морю ярко освещенный Эдинбургский замок.

На невысоком шкафчике у ее кровати стоит изящная темно-синяя ваза для фруктов, испещренная, будто молниями, золотыми прожилками. В ней горсть ракушек. Смотреть на них почему-то мучительно. В ракушках нет ничего особенного — просто сувениры с морского побережья. И все же она сохранила их как воспоминание о прошедших праздниках, о давно минувших днях, проведенных на далеких знойных пляжах, о ярком солнце, ласковом ветре и море, шуршащем у ног белыми барашками. Я почувствовала ком в горле и едва сдержала слезы.

— Как ты здесь устроилась, бабушка?

Я знаю, как сложно ей было принять это решение. Она расценивала его как капитуляцию, как признание скорого неминуемого конца. Ее лицо на секунду омрачается от моего вопроса, но она быстро берет себя в руки и все с той же спокойной улыбкой говорит:

— Это место было бы не так плохо, если бы не тот факт, что здесь полным-полно стариков!

Я киваю, улыбаясь ей в ответ:

— Ясно. Насколько я понимаю, ты в свои девяносто четыре исключаешь себя из этой категории?

— Ну конечно! — категорично заявляет она и невинно приподнимает брови. — На самом деле мне восемнадцать, несмотря на мой вид. Видишь ли, я придумала теорию: когда живешь так долго, твоя память сама выбирает тот возраст, в котором тебе хочется быть на данный момент. Сегодня я вернулась в год своего восемнадцатилетия!

Я смотрю на нее искоса, беспокоясь, что это очередной провал в памяти, когда разум теряет связь с более поздними событиями и переносится в прошлое, мало-помалу отбирая у нас бабушку. Жестокая уловка стареющего мозга.

Бабушка пристально наблюдает за мной, взгляд ее ясен. Замечая признаки беспокойства на моем лице, она берет мою ладонь в свои ладони и крепко сжимает.

— Не волнуйся, Кендра, я просто дразню тебя. Сегодня я в порядке!

Мои щеки вспыхивают, я кладу другую руку поверх ее ладоней и еще больше разворачиваюсь к ней. Осознание того, что она понимает все о своих провалах в памяти — об этом пугающем мерцании огонька свечи, что некогда горела так ярко и ровно, поражает меня. Ощущая, как щемит сердце и к горлу вновь подступает ком, я замолкаю.

— Но я точно знаю, что теряю рассудок. — продолжает она. Я делаю попытку возразить, что это неправда, что она в отличной форме. Как будто эта ложь может что-то поменять! Она сжимает мои руки: — Да, дорогая, теряю, и нет смысла притворяться, что это не так! Хочу попросить тебя об одолжении. Ты хорошо пишешь,

и сейчас, когда я здесь, — она обводит взглядом комнату, в которой теперь и сосредоточена ее жизнь, — когда у меня очень много свободного времени, а голова полна воспоминаний, было бы неплохо, если бы ты записала их для меня, прежде чем я все окончательно забуду. Расскажи мою историю. Можешь это сделать для меня? Помнится, ты хотела быть писателем — вот тебе шанс осуществить мечту, проявить свой талант.

— Да, но ты же знаешь, как говорят: кто может, тот делает, кто не может — учит... Конечно, бабушка, я буду счастлива записать твои воспоминания. Вот только время — это такая проблема! Я смогу приезжать к тебе только в те дни, когда в школе нет уроков; возможно, немного чаще на каникулах. Но есть еще Финн...

Снова замолкаю, чувствуя себя виноватой. Разумеется, я могла бы найти чуть больше времени. Однако прямо сейчас Дэн наверняка в стрессовом состоянии из-за того, что ему пришлось провести весь день дома, с нашим прекрасным и сложным мальчиком. Знаю, как трудно ему все это дается — постоянное напоминание о том, что Финн «другой», беспокойство, почти паника при мысли о его будущем. Что ждет нашего сына? Как будет развиваться его болезнь, когда он повзрослеет? Кто будет присматривать за ним, когда нас не станет? Все свободное время Дэн тратит на рассылку резюме, с крошечной надеждой на успех. Но новости неутешительные — его бывших коллег тоже сократили, и письма с отказами слишком часты. В результате мой муж в глубочайшей депрессии.

Элла кивает, отпускает мои руки, и поворачивается к прикроватному столику.

— Я знаю, как ты занята, дорогая, и не собираюсь создавать тебе сложности, поэтому попросила Робби принести мне это, — она открывает ящик стола и достает оттуда диктофон. — Я наговорю на него свои воспоминания и передам тебе, а ты расшифруешь их, как найдешь время, в комфортной обстановке, у себя дома. Я передам тебе и эти альбомы с газетными вырезками и фотокарточками; думаю, они помогут тебе живо представить места и людей, о которых пойдет речь.

На полу рядом с кроватью стоит обувная коробка, туго перетянутая бечевкой, и большой картонный ящик, в котором громоздятся фотоальбомы в деревянных переплетах, похожие на кучу связанных досок. Я беру верхний и открываю наугад. С черно-белого снимка на меня серьезно смотрит девочка — это моя мама. Аккуратная надпись, сделанная специально купленной для этой цели ручкой с белыми чернилами, гласит: «Рона, 8 лет».

Я поднимаю глаза, встречаюсь взглядом с Эллой и снова с удивлением задаю себе вопрос: «Что же такое произошло между моими мамой и бабушкой, что сделало их чужими? Как случилось, что между ними будто образовалась огромная, покрытая трещинами полынья, которую никак не пересечь?»

Элла снова кладет свои руки на мои. Ее голос звучит тверже, в нем слышатся настойчивые нотки:

— Прошу тебя, Кендра! Мое время на исходе. Пока не поздно, пока все не забылось... Пока есть кому рассказать об этом тебе и другим... Пожалуйста, ты ведь согласишься описать мою историю?

Снова смотрю на фото девочки: на ней аккуратная белая блузка и полосатый школьный галстук, прямые светлые волосы убраны назад пластиковым ободком,

взгляд таинственный. И я интуитивно догадываюсь, что в просьбе моей бабушки кроется не что иное, как желание и способ рассказать, объяснить мне то, что волнует меня много лет.

Судя по ящичку с альбомами, я крайне мало знаю о жизни своей бабушки. Из-за их размолвки с мамой я в юности почти не общалась с ней. Только когда приехала в Морей Хаус*, чтобы выучиться на преподавателя, когда уже встретила Дэна и вышла за него замуж, я стала видеться со своей эдинбургской бабушкой чаще. Погруженная в собственную жизнь со всеми ее перипетиями, я воспринимала ее не более чем престарелой родственницей, живущей где-то там. Родственницей, существование которой порой заставляло меня испытывать угрызения совести, если Робби и Дженни уезжали из города или были чем-то заняты и не могли уделить ей должного внимания.

Надо признаться, меня заинтриговала возможность заглянуть в прошлое своей мамы и дяди Робби, перелистав эти альбомы. В них наверняка есть фото моего дедушки, которого я помню очень смутно; он умер, когда мне было семь. В памяти осталась долгая поездка из Лондона на холодный север, продуваемая сквозняками церковь в Шотландии, рыдания моей мамы, тщетные попытки отца успокоить ее, потом песочное печенье, тающее на языке, и апельсиновый сок дома у бабушки Эллы. Мы не остались там даже на ночь.

— Я лучше поеду к Робби, — сказала мама отцу каким-то чужим, слишком высоким и громким голосом...

* The Moray House School of Education and Sport («Moray House») — школа при колледже гуманитарных наук в Эдинбургском университете.

Я возвращаюсь в действительность, вижу в глазах бабушки вопрос и приглашение одновременно.

— Хорошо, договорились! — улыбаясь, говорю я, и она облегченно улыбается в ответ.

— Я надеялась, что ты скажешь это! Вот первые кассеты. И я попросила Робби купить еще один диктофон, чтобы ты могла прослушивать их, вернувшись домой. — Она кладет бугристый конверт на альбомы, лежащие в картонном ящике. — И да, Кендра, расскажи это по-своему. Используй свой талант, мои воспоминания и фотокарточки, чтобы написать интересную и понятную всем книгу.

Я снова чувствую скрытую настойчивость в ее словах и задумчиво киваю.

Внезапно мне начинает казаться, что на меня смотрят две пары глаз: глаза бабушки Эллы и еще одни, с фотографии в альбоме, лежащем у меня на коленях, — глаза моей мамы.